

Мы с мужем совершали ритуал: чаепитие перед спектаклем. Муж просматривал газету, прихлебывал чай из огромной чашки и сообщал мне последние театральные новости. Рассказчик он хороший, чего не скажешь о его игре. Я пила чай из чашки поменьше, с удовольствием смотрела на его красивое лицо и жалела, что он мой муж. Услышав звонок в дверь, я досадливо поморщилась — по четвергам, а был четверг, мы предпочитали проводить день вдвоем. Муж посмотрел на меня поверх газеты.

— Кто бы это?

— Понятия не имею, — ответила я и хотела подняться, но он опередил меня.

— Сиди, дорогая, я открою, — муж у меня джентльмен.

Звонок надоедливо трещал, затем хлопнула дверь, и я услышала голос моей подружки Таньки, при звуках которого меня всегда пробирает дрожь. Болтать она начала с порога, муж довел ее под руку до кухни.

— Привет, — буркнула она и тут же добавила: — Я влюбилась.

— Чудесно, — без иронии заметил муж. — Присутствовать можно?

— Оставайся, — разрешила Танька. — Тебе полезно послушать. Что-то ты больно спокоен, друг мой, а с такой женой, как у тебя, всегда надо быть начеку.

— Приму к сведению. Так что там за новый возлюбленный?

Танька влюблялась, как правило, четырежды в год, вспышки приходились на средний месяц каждого сезона, она объясняла это особыми токами в крови.

— Ну, так что за любовник? — подала я голос. — Что он, красив, умен?

Танька подозрительно покосилась на меня.

— Что-то ты бледная сегодня.

— Это освещение.

— Может, и освещение, а по мне, ты слишком много пялишься на своего красавца мужа. Кстати, мужчине вовсе не обязательно быть красивым, а ум ему уж точно ни к чему.

— Значит, твой любовник безобразен и глуп?

Танька стала сверлить меня взглядом, силясь понять, говорю ли я серьезно или дразню ее. Наверняка лицо у меня сейчас довольно глупое, зато непроницаемое. Я пользуюсь своим лицом как ширмой. Не обнаружив ничего похожего на насмешку, Танька улыбнулась.

— Он чудо.

— Прошу прощения, леди, — встрял муж. — Пикантные подробности будут?

— Разумеется, — ответила Танька.

— Тогда я удаляюсь. Терпеть не могу, когда хвалят других.

Муж поднялся и, одарив меня самым нежным взглядом из своего арсенала (в театре он играет преимущественно любовников), скрылся в гостиной.

— Хорош, черт, — вздохнула Танька.

— Хорош, — отозвалась я. — Ну, что там с любовником?

— Он из Сан-Франциско.

— А где это?

— Не прикидывайся. В Америке.

— Серьезно? А здесь-то ему что надо?

— Контракт приехал заключать. Мост будут строить.

— Через нашу канавку, что ли?

— Ты чего сегодня вредная такая, женские недомогания?

— Да я так просто, выясняю, — мирно сказала я. — Контракт заключили?

— Нет. Думаем. Уж больно круто.

— Так ведь из Сан-Франциско люди едут.

— Вообще-то он грузин.

— Но из Сан-Франциско. Любопытно.

Танька опять стала сверлить меня взглядом.

— Не вредничай, родители у него эмигрировали. — Тут она лучезарно улыбнулась и спросила: — Доброе дело сделать хочешь?

— Хочу, если это не дорого.

— Не дорого. Пойдем в ресторан. Он меня поужинать пригласил. Но ведь как-то неудобно, верно?

— Отчего ж неудобно?

— Ну, у нас же вроде деловые отношения. А тут вдвоем.

— Так вы ж любовники.

— Да нет еще. В общем, я сказала, что приду с тобой, а он там какого-то хмыря притащит.

— Ты уверена, что получится приличней?

— Уверена. В шесть часов встречаемся.

— Не пойдет. Сегодня в театр иду.

— Что там делать-то? На мужа смотреть...

Он тебе и так целыми днями глаза мозолит. Между прочим, не так уж часто я обращаюсь к тебе с просьбами.

Действительно, за последнюю неделю это случилось всего каких-нибудь пять раз.

— Не пойду.

— Вот только попробуй, — сурово сказала Танька. — Может, от этого ужина моя судьба зависит. Позвоню.

Танька отбыла, крикнув мужу:

— Валерочка, котик, пока.

Валера, стоя перед зеркалом, пытался завязать галстук. Он морщился и время от времени стонал:

— Черт, это невыносимо.

Зрелище устрашающее. Я не умею завязывать галстуки. Все, чем могу помочь в

этом процессе, так это напряженно морщить лоб и повторять:

— Спокойнее, милый.

Наконец с галстуком было покончено. Муж довольно улыбнулся, я помогла ему надеть пиджак, стряхнула с плеча несуществующие пылинки.

— Ты чудо, — сказал он и поцеловал меня в нос.

Я довольно улыбнулась. Прощальный взгляд в зеркало: в профиль Валера просто бесподобен.

— Какие у тебя планы на вечер? — спросил он.

— Вообще-то я собиралась в театр, говорят, ты превзошел самого себя. Должна же я это видеть.

Лицо любимого чуть вытянулось. Чего-то я с планами намудрила. Свинство, конечно, с моей стороны, сообщать ему об этом за два часа до спектакля. Я поспешно отвернулась и начала перебирать ноты на фортепиано — надо дать возможность человеку опомниться. В мужа я верю, он молодчина. Несколько лет назад ему присвоили «заслуженного», не зря присвоили: когда я, сочтя до шестидесяти, повернулась, на лице его сияла самая ослепительная из улыбок.

— Как это мило, что ты решила посмотреть спектакль, — бодрым голосом заявил он и поцеловал меня. Несколько минут мы о чем-то поболтали, но взгляд у него был ищущий, значит, плохи дела у человека.

Я проводила его до двери и чмокнула на прощание, потом вернулась в гостиную, прихватив из прихожей телефон. Выждав сорок минут, позвонила в театр. Меня попросили подождать, а когда муж взял трубку, я чуть не плача сказала:

— Валерочка, прости меня ради бога, я не смогу прийти. Мне самой страшно жаль... Я сожгла бордовое платье, да, забыла утюг... И у тебя еще хватает совести острить?.. Нет, в другом платье не могу, к тому же настроение безнадежно испорчено.

Я повесила трубку. Бордовое платье придется на время спрятать, через месяц Валера все равно о нем забудет. Тут как раз позвонила Танька:

— Ты мне подруга или кто?

— Подруга, подруга, сейчас подъеду.

Надо полагать, это судьба.

Танька, пританцовывая, ждала на остановке. Я открыла дверцу машины, и она плюхнулась рядом.

— Мать моя, холод какой. Лето хочу. Дай гляну, что надела.

Я распахнула шубу.

— Так и знала. Выпендрилась. Теперь на тебя пялиться будет.

— Я тебе сколько раз говорила, ищи подругу хуже себя. А ты простофиля.

— Душевная я, этого у меня не отнимешь. Чего мужу сказала?

— Сказала, что платье бордовое сожгла.

— Правда сожгла? — ахнула Танька.

— Нет.

— Слава богу, хорошее платье. А твои титьки в нем высший класс, не только мужикам, даже мне сразу чего-то хочется.

Тут Танька права: бюст у меня такой, что семь мужиков из десяти, увидев его, долго не могут захлопнуть рот, остальные трое живут с открытым ртом до конца жизни.

Танькин возлюбленный ждал нас при входе. Грузинского в нем только и было что темные волосы, а вообще-то отнести его к какой-либо национальности было весьма затруднительно. Впрочем, Сан-Франциско далеко, и кто знает, какие там грузины. Понять, чего Танька в нем нашла, было невозможно, но она во всем проявляла такую стойкую оригинальность, что я давно оставила всякие попытки что-нибудь в ней угадать. Второй кавалер был совершенно бесцветен, к тому же по-русски не говорил, пялился на меня, что-то лепетал и все норовил ухватить за коленку. Черт его знает, что он там себе вообразил. Через полчаса стало ясно — ужин не удался. Сначала это поняла я, а потом дошло и до Таньки; возлюбленный говорил только на две темы: контракт и мост. Танька ерзала, смотрела на него особенно, потом притомилась и заявила, что от нее мало что зависит. Это она врала из вредности. Через час мы уже мельничко

трусили к моей машине. Танька матери-
лась, скользя на высоких каблуках.

— Нет, ты скажи, где еще такого дурака увидишь? А ты ехать не хотела. Да его за деньги надо показывать. Баба из трусов выпрыгивает, а он ей про мост лапшу вешает. Все, это последний американец в моей жизни.

— Он грузин.

— Козел он прежде всего. Ох... Ну что? Поехали к Аркашке, что ли? Напьюсь с то-ски.

— К Аркашке не поеду. Позавчера был. Надоел до смерти.

— Бабки стричь не надоело. Поехали, не бросишь же ты меня, когда я в таком положении.

— В каком положении?

— В трагическом, дура.

— Поехали, — сказала я, заводя машину.

— Давай по объездной, быстрее полу-
чится.

Но едва мы выехали на объездную, как в машине что-то подозрительно хрюкнуло, и она заглохла.

— Чего это? — недовольно спросила Танька.

— Бензин кончился.

— Вечно у тебя что-нибудь кончается. Вываливай титьки на дорогу, мужиков ловить будем.

— В шубе я.

— Распахни.

Мы вышли из машины, закурили и стали ждать появления спасателей.

— Зараза, холодно-то как.

— Холодно, Танюшка, холодно.

— А я еще сдуру без трусов. Выпендрилась, прости господи, чулки и подтяжки... Для кого старалась!

— Может, ты в машину сядешь, чего задницу морозить?

— Хрен с ней, с задницей, все равно не везет.

Тут в досягаемой близости появился «москвичонок» и притормозил.

— Чего у вас, девчонки? — весело спросил дядька в лисьей шапке.

— Ничего у нас для тебя нет, дорогуша, — ответила Танька. — Кати дальше.

Дядька укатил.

— Чего ты? — спросила я. — Плеснул бы бензинчику.

— Душа у меня горит.

— Ага. Душа горит, а задница мерзнет.

Тут подкатила «бээмвэшка», первым вышел водитель, здоровенный детина с наглой рожей, за ним появился пассажир. Кожаные куртки, норковые шапки, одно слово — униформа. Первый радостно ослабился и спросил:

— Что, девочки, загораем?

— Загораем, — бойко ответила Танька, оглядывая парня с ног до головы, плохое настроение с нее как ветром сдуло. Танька от здоровых мужиков просто дурела, она их, как свиней, килограммами мерила.

— Что случилось-то?

— Бензин кончился.

— Что ж вы так, девочки? Придется помочь. Как думаешь, Дима?

Дима подошел поближе и улыбнулся. Улыбка у него — лучше не бывает.

— Поможем, конечно.

Нас разглядывали. Мне что, не жалко. Танька стояла подбоченясь, ухмыляясь и выглядела сногшибательно. Парни засуетились, потом пошептались о чем-то возле своей машины и опять подошли к нам.

— Девочки, накладочка вышла, — сказал первый. — Бензина у самих маловато, придется до заправки ехать.

— Ясно, — усмехнулась Танька.

— Да нет, серьезно, хотите, я вам Димку в залог оставляю? — Парень сделал паузу и добавил, глядя на Таньку: — Можешь со мной поехать, если не веришь.

— Пожалуй, так надежней будет, — засмеялась она и, покачивая бедрами, пошла к «БМВ». Я села в свою «восьмерку» и открыла правую дверь.

— Садись, Дима.

Он сел, я включила свет в салоне, чтобы получше его разглядеть, ну и, само собой, чтоб и он увидел, кто с ним рядом. Дима был хорош. Лет двадцати пяти, голубые глаза, чувственные губы и улыбка героя американских боевиков. Еще одним явным достоинством Димы было полное отсутствие

наглости: во взгляде, в улыбке, в манере сидеть.

— Курить можно? — спросил он.

— Можно, — улыбнулась я.

— А вы курите?

— Иногда.

Мы закурили.

— Думаю, они не скоро вернутся, — заметил Дима, но опять-таки спокойно, без нажима.

— Я тоже так думаю, — согласилась я. — Если уйдешь, я не в претензии.

— Да нет. Спешить мне некуда. Как вас зовут? Глупо разговаривать, не зная, как обратиться к человеку, — сказал он, словно извиняясь.

— Лада. Лада Юрьевна.

Он улыбнулся.

— Имя у вас интересное. Редкое.

— Да, имя у меня редкое. А тебя зовут Дима. Чем занимаешься? Ничего, что я спрашиваю?

Он пожал плечами.

— На станции техобслуживания работаю, слесарем.

— Нравится?

— Нравится. Я с детства машины люблю. Вот сломается ваш «жигуленок», приезжайте, сделаю в лучшем виде.

— Да вроде бы миловал бог, пока бегает.

— Новая машина?

— Да.

— Ваша или мужа?